

Я. К. Грот

ЗАМЕТКИ ПО ВОПРОСАМ образования и воспитания

По поводу школьной реформы: О необходимых элементах общего образования и воспитания / [Соч.] Я. К. Грота. Санкт-Петербург: тип. М-ва пут. сообщения (т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1901. 42 с.

Слыша со всех сторон жалобы общества на излишнее обременение наших учеников занятиями, я в течение долгого времени старался поверять эти заявления и мало-по-малу убедился, что они вполне справедливы.

Совершенно устранить зло, конечно, избавиться не от нас, преподавателей; но, вдумываясь в дело, я нашел, однакож, что мы можем много содействовать к ослаблению вреда от существующих неудобств, и потому решаюсь предложить почтенным собратьям несколько мыслей к соображению.

Нет сомнения, что нынешние программы преподавания страдают разными недостатками, из которых главные — с одной стороны непомерное множество предметов, а с другой — слишком большая обширность и подробность в изложении некоторых наук.

1) „С.-Петербургскія Ведомости“ 1870 г., № 333, под заглавием: „Заметки гимназич. учителя для мыслящих собратий“.

Многие разсудительные люди, просматривая программы наших средних учебных заведений, не могут надивиться, какая ученость требуется от русской молодежи. Да с такими познаниями, говорят они, наши юноши должны бы перещеголять в образовании своих сверстников в целой Европе! На деле, однакож, мы видим не то.

Вместе с тем оказывается, что в наших средних учебных заведениях молодые люди сидят ежедневно более часов, нежели во многих других просвещенных странах, и что им задается столько трудных уроков, что они для удовлетворения своих наставников должны и дома проводить почти все время в приготовлениях.

Оттого их умственные способности, напрягаемые сверх меры, лишены всякой свободной самостоятельности, притупляются; охота к учению, любознательность пропадает, физическое развитие подавлено; зрение преждевременно испорчено, и не один гимназист уже носит в себе начало будущих хронических болезней с общею слабостию организма.

Наши курсы и требованія должны быть существенно изменены. Но такъ какъ все неоднократно высказанныя о томъ желанія до сихъ поръ остаются безъ исполненія, а между темъ годы проходятъ и вредное дѣйствіе настоящаго порядка продолжаетъ обнаруживаться на нашемъ молодомъ поколѣніи, то пора намъ, преподавателямъ, серьезно задать себе вопросъ: не обязаны ли мы и не можемъ ли въ собственной своей дѣятельности найти средства облегчить хоть въ некоторой степени положеніе вверенной намъ молодежи?

Чемъ многочисленнее предметы ученія и чемъ пространнее курсы каждаго изъ нихъ, темъ настоятельнее становится для насъ нравственный долгъ соразмѣрять массу и качество сообщаемыхъ и требуемыхъ нами сведеній съ силами учениковъ.

Мы должны помнить, что задача наша состоитъ не въ томъ, чтобъ передать имъ весь запасъ познаній, приобретенныхъ нами самими въ долгіе годы, и даже не весь тотъ запасъ, какой можетъ со временемъ понадобится имъ для жизни: мы должны сообщить лишь столько, чтобъ ученикъ имѣлъ достаточный умственный капиталъ для дальнѣйшаго его приращенія; мы должны путемъ науки развить въ немъ плодотворную силу для труда и самоусовершенствованія.

Намъ следуетъ помнить, какъ несправедливо требованіе, чтобъ по предмету, преподаваемому каждымъ изъ насъ, ученикъ становился почти такимъ же специалистомъ, какъ мы сами. Каждый изъ насъ занятъ только одной наукой, и занятъ ею постоянно всю жизнь: имеемъ ли же право требовать, чтобъ наши ученики знали почти то же, что знаемъ мы сами, и чтобъ на экзаменахъ они умели разрешать вопросы, касающіеся не существеннаго въ науке, а раз-

ныхъ тонкостей, мелочей и второстепенныхъ подробностей?

Будемъ постоянно имѣть въ виду, что собственно нужно знать не специалисту, а вообще образованному человеку, и уберемся отъ безразсуднаго стремленія къ тому, чтобы наши несовершеннолѣтніе ученики знали то, чего не знаютъ не только большинство образованныхъ людей, но и многіе ученые.

Къ разряду такихъ познаній надобно отнести, напримеръ, въ географіи — множество малоизвестныхъ рекъ и речекъ, городовъ и местечекъ съ ихъ такъ-называемыми примечательностями, педантически-точные цифры численности населеній, мелкія статистическія данныя, градусы положенія странъ и проч.; въ исторіи — имена разныхъ незначительныхъ лицъ и местъ, ничтожные факты съ цифрами годовъ, къ которымъ они относятся, такъ что приходится исчислять чуть не все годы каждаго столѣтія; въ Законѣ Божіемъ — безчисленное множество названій и событій изъ исторіи евреевъ, множество текстовъ, объясненіе богослуженія до мельчайшихъ подробностей — въ объемѣ, нужномъ только для священно-служителей, и проч.

Не будемъ слишкомъ высоко ставить общій уровень развитія нашихъ, далеко еще незрѣлыхъ, учениковъ: они еще не студенты, не многіе изъ нихъ могутъ уже заниматься вполне самостоятельно. Не будемъ же и мы представлять изъ себя университетскихъ преподавателей и воображать, что мы въ гимназіи

призваны читать лекції, которые наши слушатели должны съ стенографическою точностью записывать и потомъ разрабатывать на досуге. У студента число посещаемыхъ имъ лекцій ограничено; онъ свободнее располагаетъ своимъ временемъ, онъ уже более подготовленъ для подобной нелегкой работы.

Мы же, гимназическіе учителя, должны по возможности держаться определенныхъ учебниковъ — это давно признано здравой педагогикой; мы обязаны только пояснить эти учебники; можемъ, пожалуй, дополнять или сокращать ихъ; во всякомъ случае нашъ долгъ — стараться освобождать учениковъ, обремененныхъ уроками, отъ обязанности еще составлять записки и переписывать ихъ.

На нихъ и безъ того лежитъ обязанность писать сочиненія на разныхъ языкахъ. Къ сожаленію, большая часть изъ насъ, задавая темы, слишкомъ легко относится къ этому важному делу, слишкомъ мало даетъ себе отчетъ въ цели такихъ упражненій, и въ томъ, что *можетъ* въ этомъ отношеніи удовлетворительно и съ пользой для себя сделать ученикъ такого-то возраста и развитія. Нашему брату ничего нѣтъ легче, какъ черкнуть въ видѣ заглавія: *Разборъ Мертвыхъ Душъ*, или выписать изъ какой-нибудь книги глубокомысленный историческій или философскій вопросъ, едва разрешимый для самого преподавателя; но надобно уметь поставить себя на место ученика и прежде всего определить: что было бы ему подъ силу, что можетъ интересовать его, и что до поры до времени должно казаться ему недостижаемою мудростью? Онъ еще не жилъ; у него не можетъ еще быть ни интереса, ни точки опоры для пониманія, не говоря уже для решенія многихъ вопросовъ, уясняемыхъ толь-

ко опытомъ и многолетнимъ размышленіемъ.

Темы для ученическихъ сочиненій должны составлять предметъ особенной заботы и работы со стороны преподавателя: оне должны быть заранее строго обдуманы и приготовлены. Каждую такую тему задающій ее долженъ предварительно обсудить, разобрать вместе съ своими учениками и устно хоть на половину разработать ее за урокомъ. Тогда только ихъ трудъ надъ нею будетъ действительно плодотворенъ; тогда не будетъ техъ уродливыхъ и жалкихъ исчадій незрелаго ума, которые, къ сожаленію, иногда встречаются въ гимназическихъ тетрадяхъ. Есть преподаватели, до того лишенные здраваго смысла и такта, что, задавая сочиненіе отъ одной недели до другой, они требуютъ, чтобъ ученикъ или ученица для выполненія темы прочитали целую книгу, а вместе — чтобъ и сочиненіе вышло объемистое. Разумеется, что отъ этого происходитъ только разглагольствіе и фразерство.

При спрашиваніи уроковъ мы часто развиваемъ тотъ же печальный недостатокъ однимъ требованіемъ, которое неизвестно въ педагогике западныхъ народовъ: мы хотимъ, чтобъ ученикъ не только зналъ, но еще умѣлъ бегло, плавно и красноречиво (а иногда, просто, безостановочно) передать каждый заданный урокъ. Мы не довольствуемся темъ, чтобъ онъ умѣлъ сознательно, но коротко и ясно, отвечать на предложенный ему вопросъ; мы хотимъ, чтобъ онъ какъ-бы прочиталъ целую лекцію или тираду изъ лекцій. Мы хотимъ передъ темъ или другимъ внушительнымъ посетителемъ

блеснуть своими учениками. Это еще один из многих (къ сожалѣнію) остатковъ нашихъ старыхъ, не легко искореняемыхъ порядковъ, такъ живописно отразившихся въ русской поговорке: *продать товаръ лицомъ*. Но къ чему же вести такое требованіе? Мы рискуемъ образовывать краснобаевъ, смелыхъ говоруновъ, а не скромныхъ и основательныхъ людей.

Многимъ изъ насъ не излишне также напомнить, что часть, назначенный для преподаванія, долженъ быть употребляемъ добросовестно и плодотворно. Мы должны заботиться о томъ, чтобъ уже въ продолженіе этого часа ученики усвоивали себе сколько можно более положительныхъ познаній, которыя бы облегчали имъ трудъ дальнѣйшаго приготовленія; молодые люди должны же вне уроковъ находить время для отдыха и для пребыванія на чистомъ воздухе, а также и для свободнаго чтенія; наконецъ, они должны же сколько-нибудь принадлежать и своимъ родителямъ, участвовать въ домашней, семейной жизни.

При нынѣшнемъ объемѣ курсовъ въ высшихъ классахъ гимназій это (разумеется, для вполне добросовѣстнаго ученика) почти невозможно.

Вотъ почему всякое необдуманное разглагольствіе, всякая бесполезная трата дорогого времени должны быть тщательно устраняемы изъ часовъ преподаванія, темъ более, что это мешаетъ постоянному повторенію пройденнаго, тому, что составляетъ истинную силу хорошей школы и облегчаетъ экзамены. У насъ передъ экзаменами молодые люди работаютъ до изнеможенія силъ, до одуренія, такъ что иной приходитъ въ отчаяніе и даже посягаетъ на свою жизнь, чему въ последнее время было несколько примеровъ. Предупрежденіе въ будущемъ повторения подобныхъ печальныхъ случаевъ, конечно, много зависитъ отъ

насъ. На экзаменахъ нельзя требовать техъ же подробностей, техъ же мелочей, которыя иногда входятъ въ курсъ при его преподаваніи: можетъ ли молодой человекъ, обязанный въ короткое время обособить въ себе разнообразныя знанія, приобретенныя въ теченіе несколькихъ или хоть и одного года, можетъ ли и обязанъ ли онъ знать каждый предметъ такъ же обстоятельно, какъ мы сами? И не должны ли мы трудолюбіе и успехи, оказанные имъ въ теченіе цѣлаго курса, ценить выше техъ отрывочныхъ ответовъ, которыхъ видимая удовлетворительность можетъ зависеть отъ столькихъ случайностей, и которыя такъ же случайно выпадаютъ на долю того или другого ученика.

Не будемъ никогда забывать, какая непомерная власть, какое великое вліяніе на судьбу юноши предоставлено намъ правомъ экзамена, какой произволъ, какое опасное орудіе дается намъ въ руки этимъ широкимъ правомъ. Отъ нашей совести, отъ умения нашего пользоваться этимъ правомъ осмотрительно и честно, отъ большей или меньшей разсудительности, справедливости, гуманности, которыя мы положимъ въ это дело, можетъ зависеть вся будущая деятельность, все будущее благосостояніе, иногда самая жизнь экзаменуемаго. Проникнемся же пониманіемъ тяжелой ответственности, какая лежитъ на насъ, и, по крайней мере, пока существуютъ нынѣшніе курсы и программы, будемъ стараться не затруднять, а облегчать занятія вверенныхъ намъ молодыхъ людей.

